

Чэнь Хайпин шагнул вперёд, схватил Дань Чао и уже занёс кулак, чтобы ударить, но Дань Чао резко оттолкнул его.

— Я, бедный монах, — Дань Чао сделал паузу, стоя в окружении людей, его голос был низким, почти хриплым, — я, бедный монах, могу познать пять элементов, постичь инь и ян, только что услышал последние слова этой девушки... поэтому и осквернил тело, искренне прошу понять.

Чэнь Хайпин с покрасневшими глазами и зажатым кулаком замер в недоумении, окружающие тоже остолбенели от шока.

— Ты... ты слышал её... — дрожащим голосом проговорил Чэнь Хайпин. — Что она сказала?

Дань Чао открыл глаза. Его взгляд был холодным, как сталь, твёрдым, как скала, скользнул по лицам собравшихся, выражавшим разные эмоции, неся невыразимую тяжесть.

— Она сказала, что её оклеветали, — медленно произнёс Дань Чао.

— Её умышленно убили, а настоящий убийца — кто-то другой.

Все остолбенели, лишь через некоторое время несколько трусоватых в первых рядах опомнились, отступили назад, вызвав небольшую суматоху.

— У... убили? — воскликнул ошеломлённый Чэнь Хайпин. — Кто её убил? Неужели это действительно злой дух...

Он хотел сказать, не злой ли дух наслал порчу, из-за чего Фу Сянжун сказала, что её оклеветали, но не успел договорить, как сзади раздался гневный голос Старой госпожи:

— Как такое возможно! В мире нет таких дьявольских дел, как разговаривающие покойники, это явно ты, монах, придираешься и сеешь смуту в траурном зале! Люди, выгоните его отсюда!

— В мире действительно нет дьявольских дел, и эту девушку убил не злой дух, — Дань Чао снова сделал паузу, его голос понизился. — Она... умерла ещё до начала пожара.

Выражения лиц у всех изменились, Старая госпожа тоже окаменела.

Никто не заметил, сколько тяжёлой печали и гнева было скрыто в тоне этого молодого и красивого монаха, когда он хриплым голосом произносил последние слова.

Только Се Юнь позади толпы отвернулся и слегка покачал головой.

— Почему... — задыхаясь, спросил Чэнь Хайпин. — Почему ты так говоришь?

Дань Чао указал на руку тела:

— После начала пожара человек будет бороться, кричать о помощи, пальцы рук и ног будут сжиматься, после смерти обязательно проявится ооченевшее скрюченное состояние; а пальцы этой девушки расслаблены и расправлены, разве она могла терпеть боль от огненных ожогов и оставаться совершенно недвижимой?

Смелый ученик из первых рядов приблизился, чтобы посмотреть на обугленные пальцы тела, и воскликнул:

— Действительно!

— Погоди, только по этому нельзя судить точно, если Сянжун ещё до того, как огонь добрался до рук и ног, уже... уже... — у Чэнь Хайпина снова покраснели глаза, он не смог продолжать. — Если так, то что тогда?

Едва он закончил говорить, как Дань Чао внимательно осмотрел его с ног до головы, в его взгляде мелькнула некоторая пронзительность — но Чэнь Хайпин в горе реагировал медленно и не сразу осознал, что тот рассматривает.

— Нет, — Дань Чао, как ни в чём не бывало, отвел взгляд и сказал:

— Потому что во рту умершей чисто, нет обгоревшей земли, нет и копоти.

Он поднял ту руку, которую только что засунул в рот Фу Сянжун, и показал всем вокруг. На пальцах действительно были лишь небольшие загрязнения, никаких явных чёрных частиц копоти, совсем не так, как обгоревшая поверхность тела.

Чэнь Хайпин с сомнением спросил:

— Что это доказывает?

— Человек, борясь и крича о помощи в огненном море, бегая в густом дыму и задыхаясь, обязательно испачкает рот и горло копотью; или даже если рот был заткнут, носовые полости наполнятся чёрными частицами от дыхания. А у этой девушки и во рту, и в носу чисто, это говорит лишь об одном: в течение всего пожара она не издала ни звука, даже не дышала.

Дань Чао тяжело вздохнул и тихо сказал:

— Она уже... была мёртвой.

— Именно злой дух напугал её до смерти, поэтому так и получилось! — быстрыми шагами подошла Старая госпожа и гневно сказала:

— Эти служанки могут подтвердить, из огненного моря доносились пронзительные рыдания призрака, моя бедная дочь ещё до пожара была до смерти напугана злым духом, потребовавшим её жизнь!

Дань Чао холодно ответил:

— Правда? Злой дух, требующий жизнь, использует верёвку для удушения? Я, бедный монах, впервые об этом слышу.

Старая госпожа замерла на месте. Дань Чао опустился на одно колено, осторожно поднял тело и перевернул его — когда он это делал, все вокруг дружно отступили на полшага, но он сам нисколько не испугался и не побрезговал, указывая на заднюю часть шеи тела, оглядел всех:

— Разве вы не видите, что это?

Кругом стояла мёртвая тишина, лишь через некоторое время дрожащий Чэнь Хайпин подошёл, его грудь быстро вздымалась, но он не мог вымолвить ни слова.

Цзин Лин, потеряв терпение, большими шагами приблизился, заглянул и равнодушно произнёс:

— След от удушения.

Едва эти слова прозвучали, вокруг раздался шокированный общий вздох.

— Когда я только что осматривал ротовую полость тела, то обнаружил, что на боковой части шеи есть два следа в форме верёвки, особенно обгоревшие, степень обугливания отличается от других мест, как будто после кровоподтёка было воздействие огнём. Сначала я заподозрил самоудушение, но, посмотрев под углом, след от повешения должен быть направлен вверх к задней части шеи, а этот — вниз.

— К тому же, след от повешения на задней части шеи должен быть V-образным, отметины от верёвки не могут пересекаться; а у этой девушки на задней части шеи явно пересекаются два следа, потому что верёвка была обмотана вокруг шеи два раза...

Дань Чао коснулся пальцами шейных позвонков тела и тихо сказал:

— Даже кости имеют явные повреждения, жестокость убийцы очевидна.

Чэнь Хайпин внезапно стиснул зубы, быстро подошёл, присел и дрожащими пальцами потрогал шейные позвонки тела.

В следующий момент он резко закрыл глаза, и слёзы хлынули ручьём.

Все переглянулись, выражения их лиц были крайне потрясёнными. Не ожидали, что простое случайное возгорание в мгновение ока может превратиться в убийство, такие неожиданные повороты просто невероятны, такого даже в пьесах не увидишь!

— Кто это сделал... — в тишине медленно раздался голос Чэнь Хайпина, затем он сквозь зубы процедил:

— Кто же в конце концов это сделал? Сколько лет было Сянжун! Какая же должна быть глубокая ненависть —!

— Обернись, — Дань Чао, глядя ему прямо в глаза, ровным, без единой нотки волнения голосом сказал:

— Обернись и посмотри на свою тётю, на своего двоюродного брата, спроси их, кто настоящий убийца.

Зрачки Чэнь Хайпина резко сузились, он резко обернулся.

На почётном месте Фу Вэньцзе отвел взгляд, избегая его, а Старая госпожа стояла с искажённым лицом, вся дрожа, одной рукой крепко сжимая набалдашник трости.

— ...О чём ты говоришь... невозможно... — задыхаясь, произнёс Чэнь Хайпин. — Сянжун — их родная дочь, родная сестра, какую чушь ты несёшь...

Дань Чао спросил:

— А если умершая вообще не Фу Сянжун?

Как только эти слова прозвучали, все вокруг будто поражённые громом застыли, лицо Старой госпожи моментально побелело, она пошатнулась, чуть не упав.

— Чт... что? — заикаясь, переспросил Чэнь Хайпин. — Не Сянжун?

Дань Чао усмехнулся, продолжая стоять на одном колене, осторожно поднял руку тела и сравнил со своей:

— Видите эти суставы?

Все смотрели во все глаза: хотя кожа на теле обуглена, костяшки пальцев, хоть и ужасные, но очень заметные.

— Костяшки пальцев этой девушки крупнее, чем у обычной женщины, возможно, лишь немного меньше моих, явно от тяжёлой работы. Скажите, у какой изнеженной, выращенной в глубине покоев барышни такие костяшки пальцев?

Чэнь Хайпин недоверчиво смотрел на костяшки, затем резко перевёл взгляд на обезображенное огнём лицо тела, его губы дрожали, но он не мог вымолвить ни слова.

— Действительно... действительно не та... — сзади в толпе послышался тихий голос, постепенно переросший в общий шёпот:

— Действительно что-то не так!

— Не старшая дочь Фу?

— Тогда умершая... пожар...

— Довольно! — внезапно рявкнула Старая госпожа, несколько раз сильно ударив тростью о пол:

— Что за чепуху вы несёте, это Сянжун! Разве у старухи может быть две дочери? Не слушайте этот бред монаха!

Дань Чао проигнорировал эту истеричную ругань. Он опустил руку тела, тщательно накрыл её белой тканью, пока это ужасное тело не было полностью скрыто, и только тогда сложил ладони и произнёс буддийское приветствие.

Никогда ещё он не ощущал в этих простых слогах буддийского приветствия столько сострадания, спокойствия и тяжести.

В тот момент от него, казалось, исходила некая сила, которая подавила тревожные и сомневающиеся эмоции всех присутствующих, невольно заставив их замереть на месте.

— Госпожа Фу.

Дань Чао встал и сказал:

— Неужели вы хотите, чтобы я, бедный монах, пригласил следователя, а затем обыскал окрестности на предмет пропавших вчера бедных девушек, и только тогда вы скажете правду?

<http://bllate.org/book/15578/1387124>